

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Н. В. Минина,

соискатель

Воронежского государственного университета

РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ В 1917 ГОДУ: БЫЛА ЛИ ПЕРСПЕКТИВА?

Насыщенный бурными историческими событиями 1917 год являлся переломным для российской многопартийности. Первым значительным потрясением для политико-правовых структур, созданных в ходе первой русской революции, стали февральские события.

На рассматриваемом этапе российской истории монархия представляла собой естественным образом сложившуюся форму государства, даже с учетом преобразований, произошедших в ходе революции 1905—1907 гг. «Каждому народу причитается своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая только ему. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать гибельным»¹, — писал И. А. Ильин. «В государствах, которые борются за свое существование, — отмечал профессор В. И. Герье, — монархия является лучшей гарантией их цельности и прочности. По мере того, как общество дифференцируется, т.е. разлагается на различные классы и партии с различными интересами, на монархию выпадает новая роль — блюсти среди них общий интерес, интерес государства»². По мнению Б. Н. Чичерина, «общий закон политического устройства и развития состоит в том, что чем меньше единства в обществе, тем сосредоточеннее должна быть власть». Поэтому «значение монархического начала в различные эпохи и при различных условиях неодинаково. Оно возвышается особенно там, где общество раздирается ожесточенною борьбою партий»³.

Современники оценивали российское государство образца начала XX в. и произошедшие в нем изменения весьма благоприятно. Россия, писал Б. А. Кистяковский в 1908 г., «совершила в данный момент переход к формам правового государства. Если у нас конституционный строй далеко еще не осуществлен полностью, то с каждым годом, и

333

¹ Ильин И. А. О государственной форме // Ильин И. А. О грядущей России. М., 1993. С. 28.

² Герье В. И. О конституции и парламентаризме. М., 1906. С. 7.

³ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: В 3 ч. Ч. 3: Политика. М., 1898. С. 551.

даже с каждым месяцем он будет и должен осуществляться»⁴. А. А. Алексеев указывал, что «дуалистическая монархия есть государство правовое, в котором не личная воля главы государства или, по крайней мере, не одна его личная воля определяет направление правительственной деятельности»⁵. «Между современной конституционной монархией, — по мнению А. С. Алексеева, — и современной республикой нет принципиального различия», поскольку «они являются разновидностями одного государственного типа — типа правового государства»⁶.

Монархия для России начала XX в. была приемлемой и органичной формой государства, традиционной и устоявшейся, но в то же время в обновленном виде отвечающей мировым современным тенденциям развития. Российская монархия образца первой русской революции 1905—1907 гг., признаваемая многими современниками правовым государством, являлась фундаментом российской многопартийности, и, следовательно, партийная система того времени могла существовать и развиваться только в условиях обновленной (дуалистической) монархии, благодаря которой она стала легализованным политическим институтом, получившим полноценное правовое регулирование. Свержение монархии способствовало потере политических и идеологических ориентиров большинством партий, что привело к их вынужденной модернизации и последующему исчезновению. Разрушение монархической государственной машины повлекло за собой постепенное ослабление и уничтожение созданных ею политических и правовых институтов, в частности подавляющего большинства российских политических партий.

Следует отметить, что другим «фундаментом» многопартийности в России являлась русская интеллигенция. Именно благодаря появлению этой социальной прослойки стало возможным создание политических партий в стране. События 1917 г. многими мыслителями оцениваются как период гибели русской интеллигенции, так как ее представители не были тесно связаны ни с одним сословием или социальной группой, что не способствовало стабильности этой социальной прослойки, не имевшей прочных социальных корней. По мнению Н. А. Бердяева, «крайняя идейная нетерпимость русской интеллигенции была самозащитой; только таким путем она могла сохраниться во враждебном мире, только благодаря своему идейному фанатизму она могла выдержать преследования и удержать свои черты»⁷. Отсюда ее «беспочвенность» и «идейность». Р. Пайпс считал русскую интеллигенцию, склонную к левым учениям, критическим фактором, разрушившим царизм: «Русская интеллигенция, как радикальная, так и либеральная, придерживалась

⁴ Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское) // Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 419.

⁵ Алексеев А. А. Министерская власть в конституционном государстве: Ее основы, роль и современное положение. Харьков, 1910. С. 53.

⁶ Алексеев А. С. Русское государственное право. М., 1892. С. 120.

⁷ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 18.

куда более левых взглядов по сравнению с западными интеллектуалами, она исповедовала утопические идеи, вычитанные из западной литературы, не имея возможности опробовать их на практике»⁸. Обращаясь к Г. П. Федотову, который в духе сборника «Вехи» считал первую русскую революцию началом конца русской интеллигенции, можно увидеть следующее: «За восемь лет, протекших между 1906 г. и 1914 г., интеллигенция растаяла почти бесследно»⁹.

Интеллигенция и полуинтеллигенты (разночинцы) в России не являлись социальной прослойкой властных структур, они входили в оппозиционные партии, не допущенные к государственному управлению. Поэтому отсутствие необходимого опыта и известная доля растерянности перед быстро меняющимися событиями общественной жизни сыграли фатальную роль. «Русская интеллигенция в лице ее политических партий вынуждена была немедленно из оппозиции перестроиться в органы власти. Тут-то ее и постигло банкротство, заставившее забыть даже провал монархии»¹⁰, — писал А. С. Изгоев. Исчезновение русской интеллигенции являлось вполне объяснимым, так как вместе с либеральным движением с политической арены одновременно уходит ее значительная часть. Большинство идей русских интеллигентов были утопичными, неприменимыми на практике, а методы — устаревшими и не соответствующими требованиям ситуации, что, безусловно, лишало их шанса повлиять на расстановку политических сил в 1917 г. Гибель русской интеллигенции являлась сопутствующим явлением тем событиям, которые повлекли за собой полное разрушение государственного строя и социальной структуры российского общества.

Революции 1917 г. являлись, прежде всего, «порождением войны»¹¹, так как именно Первая мировая война ускорила глубинные процессы изменения правосознания народа и интеллигенции и вызвала революционный взрыв. Война «создает революцию с большей необходимостью, чем революция войну»¹², — отмечал Г. П. Федотов. По этому поводу А. Ф. Керенский писал: «Россия пошла на «преступление» потому, что следствие военных невзгод — психологические, политические, экономические — проявилось в стране намного раньше, чем на Западе. А Запад, преодолев военные и послевоенные трудности, не понял и не мог понять суть и смысл необычайно тяжкого и сложного процесса крушения общественного строя в России»¹³. «Нет никакого сомнения в

⁸ *Пайпс Р.* Три «почему» русской революции // Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004. С. 455.

⁹ *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 438.

¹⁰ *Изгоев А. С.* Социализм, культура и большевизм // Вехи; Из глубины. М., 1991. С. 362.

¹¹ *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1991. С. 227.

¹² *Федотов Г. П.* Сумерки Отечества // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. М., 2005. С. 293.

¹³ *Керенский А. Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 8.

том, — писал И. А. Ильин, — что русская революция и коммунизм выросли непосредственно из великой войны 1914—1918 годов; они были заражены ее психологическим темпом и «оплодотворены» ее способами управлять и распоряжаться»¹⁴. Война, послужившая одной из причин русской смуты, отодвинула на второй план целый ряд важнейших вопросов, требовавших скорейшего разрешения. В феврале и октябре 1917 г. перед победителями революции стояла одна и та же задача — прекратить войну. Временное коалиционное правительство с такой задачей не справилось. Это означало, что реальную власть приобретет только та политическая сила, которая сможет вывести Россию из войны и разрешить проблему двоевластия, поэтому установление большевистской диктатуры и однопартийной системы в стране в данной связи было вызвано совокупностью объективных предпосылок.

Вторым мощным катализатором октябрьских событий стало двоевластие, а точнее, отсутствие какой-либо легитимной власти в стране. Временное правительство, якобы опиравшееся на Основные законы 1906 г., фактически не являлось законным органом власти в стране, так как его правовой статус не был закреплен соответствующим нормативно-правовым актом, а состоявшееся отречение Николая II не могло признаваться законным. Преемственность верховной власти в стране прервалась, и юридически какая-либо власть в стране полностью отсутствовала.

Кризисные ситуации повторялись несколько раз в течение всего недолгого существования Временного правительства. Именно поэтому перевес Петроградского Совета для многих современников являлся очевидным. Русские газеты подтверждали эти факты своими публикациями в сентябре 1917 г. «Кризис власти как будто разрешился. Правительство почти сформировано»¹⁵. «Начинается последний акт всероссийской трагедии. Ясно, что сила перешла в руки крайне левого элемента революции — так называемых большевиков. Правда, официально они не стоят у власти... Однако для всякого спокойного наблюдателя, умеющего беспристрастно разбираться в текущих событиях, ясно, что фактически по всей линии торжествуют большевики»¹⁶. «Из 10 групп, борющихся на выборах, большинство голосов получили большевики»¹⁷.

Важную роль в уничтожении многопартийной системы в России играл глубочайший кризис правосознания и легитимности в стране, повлекший за собой их перерождение. Фактически прежнее правосозна-

¹⁴ Ильин И. А. О революции // Ильин И. А. Кризис безбожия. М., 2005. С. 183.

¹⁵ Биржевые ведомости. 25 сентября 1917 г. Вечерний выпуск // Россия. 1917. М., 1993. С. 57.

¹⁶ Приближение развязки: (Из передовой статьи газеты «Московские ведомости». 27 сентября 1917 г.) // Россия. 1917. М., 1993. С. 57.

¹⁷ Большевики-победители («Газета-копейка». 28 сентября 1917 г.) // Россия. 1917. М., 1993. С. 57.

ние и легитимность власти были последовательно уничтожены: сначала незаконным отречением Николая II, а затем низложением Временного правительства и разгоном Учредительного собрания. В Основных законах Российской империи не содержалось ни одного упоминания об отречении царя. Статьи 37 и 38 Основных законов предоставляют право на отречение только лицу, имеющему право на престол в порядке наследования, но еще не занявшему его, причем только в том случае, если преемственность престолонаследия не прерывалась¹⁸. Николай II должен был отречься от престола в пользу своего сына Алексея Николаевича, до совершеннолетия которого следовало предусмотреть назначение регента. Именно поэтому отречение было произведено не в соответствии с Основными законами, так как «не желая расстаться с любимым сыном нашим»¹⁹, Николай II передал право на престол своему брату Михаилу Александровичу, что само по себе являлось нарушением нормы закона, потому что Алексей Николаевич должен был лично отречься от престола после достижения совершеннолетия, а Михаил Александрович мог получить права на престол только в случае прямого отречения или смерти Алексея Николаевича. Помимо этого кризис легитимности выражался также в существовании двоевластия в стране, что еще раз подчеркивало незаконность образования существующих властных структур. «Легкость, с которой Ленину и Троцкому удалось свергнуть последнее коалиционное правительство Керенского, обнаружила его внутреннее бессилие»²⁰, — отмечал В. Набоков.

«Отринув право в политике, большевики упразднили его и в повседневной жизни, разрушив суды, заменив положительный закон «революционным сознанием» и т.д.»²¹, — отмечал А. С. Изгоев. Отмена всех действовавших ранее законов Российской империи окончательно разрушила правовое пространство России и создала правовой вакуум, в условиях которого не могло быть и речи о правопреимственности и легитимности существующей власти. Следующий шаг по разгону Учредительного собрания был совершен с такой же легкостью. Уверенность в собственной правоте и полное отсутствие каких-либо рычагов правового регулирования позволили большевикам провозгласить, что «всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеванной народом Советской Республики в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного собрания был бы теперь шагом назад и крахом всей Октябрьской рабоче-крестьянской революции»²².

¹⁸ Свод основных государственных законов // Государственный строй Российской империи накануне крушения: Сб. законодательных актов. М., 1995. С. 18.

¹⁹ Манифест отречения Николая II // Отречение Николая II. М., 1990. С. 222.

²⁰ Набоков В. Д. Временное правительство // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 1. С. 10.

²¹ Изгоев А. С. Указ. соч. С. 375.

²² Декрет о роспуске Учредительного собрания. 6 (19) января 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 336.

Кризис монархического правосознания и легитимности способствовал уничтожению правопреемственности верховной власти и правового пространства России 1917 г., что выражалось в уничтожении законности и правопорядка в стране. Только в подобных условиях при отсутствии какой-либо легитимной власти и разрушении правосознания целого народа могла быть установлена большевистская однопартийная диктатура.

Особенности российской партийной системы, ее строение и свойства сыграли решающую роль в процессе свертывания многопартийности. Диспропорциональность российской партийной системы, ее полярность, нестабильность, незрелость и оппозиционность исполнительной власти выступили в качестве катализаторов ее быстрого разрушения. Диспропорциональность партийной системы заключалась в превосходстве «правого» и «левого» партийного фланга над центром по численности и активности, и это несмотря на то, что именно либеральный «центр» являлся наиболее активным в парламентской деятельности. Диспропорциональность поддерживалась нестабильностью и незрелостью партийной системы, так как в разные периоды ее существования соотношение партийных групп менялось. «Правые» партии исчезли с политической арены одни из первых. Самым уязвимым местом черносотенцев и других партий ультраконсервативного направления была их слабая организованность: большинство из вновь возникших организаций ограничивали свою деятельность пределами одного города, уезда и значительно реже — губернии. Правые, которые, казалось бы, являлись идеологической опорой существующего политического режима, не были популярными партиями ни в народе, ни в иной среде. Например, С. Е. Крыжановский считал черносотенцев «сумасшедшими»²³. Подразумевая черносотенных лидеров, Б. В. Штюрмер еще в феврале 1906 г. говорил, что «теперь только жалко и смешно слышать все эти разговоры Грингмута, Никольского (Бориса) и других, с пафосом ратующих за самодержавие, все это — «рыцари печального образа», Дон-Кихоты»²⁴. «Отдельным лицам, — говорил И. Г. Щегловитов, — я сочувствовал, но вообще к этим организациям не принадлежал»²⁵. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, не заинтересованная в преуменьшении реакционности его предшественника, констатировала, что период после 1907 г. — это «время постепенного упадка» крайне правых партий, когда правительство «только терпит их, помня о деятельности их в годы революции»²⁶.

По мнению, Г. П. Федотова, русский «консерватизм был просто силой инерции государственного аппарата, того аппарата, который был

²³ Допрос С. Е. Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 435.

²⁴ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 370.

²⁵ Допрос И. Г. Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 353.

²⁶ Кирьянов Ю. И. [Предисловие] // Правые партии. М., 1998. Т. 1. С. 20.

создан Петром...», он являлся «государственным мирозерцанием бюрократии и оставался таким до последних ее дней»²⁷. Н. А. Бердяев отмечал, что «полное отсутствие настоящего консерватизма — фатальная особенность России. «Правая» Россия начала уже разлагаться, когда «левая» Россия еще не вполне созрела. Все приходит у нас слишком поздно. И мы слишком долго находимся в переходном состоянии, в каком-то междуцарствии»²⁸. В другой работе он отмечал: «Несчастлива судьба той страны, в которой нет здорового консерватизма, заложенного в самом народе, нет верности, нет связи с предками. Несчастлив удел народа, который не любит своей истории и хочет начать ее сначала. Так несчастлива судьба нашей страны и нашего народа»²⁹.

Беспочвенность русского консервативного радикализма сыграла определяющую роль в падении монархического режима. По мнению И. А. Ильина, монархический строй сокрушился в России потому, что «несмотря на монархический уклад русского правосознания, в стране не было настоящих, пламенных и политически искусных монархистов, т.е. людей, продумавших, прочувствовавших сущность монархии; умевших лояльным монархическим изволением строить волю Царя; носивших в себе не жажду монархической карьеры, а способность служить стране через Царя и умирать за него: способных не допустить монарха до отречения и возвести на монархический трон нового законного монарха, не способного к отречению вообще»³⁰. Именно поэтому «единой и организованной монархической партии, которая стояла бы на страже трона и умела бы помогать монарху — не было»³¹.

Февральская революция 1917 г., последующие события лета — осени 1917 г. наглядно продемонстрировали слабость монархического правосознания, неустойчивость правых партий в России, отсутствие у самодержавной идеи глубоких и сильных политических и социальных корней и преданных приверженцев даже в привилегированной дворянской среде. Это означало следующее: сама монархическая идея и монархическое правосознание интеллигенции и всего русского народа были настолько слабы и беспочвенны, что были разрушены так быстро и беспрепятственно, как будто развалились самостоятельно без постороннего вмешательства и, как в случае цепной реакции, ускорили самоуничтожение политических и правовых институтов, созданных ими. Самым молодым и вследствие этого самым нестабильным политическим институтом являлась российская многопартийность, поэтому неудиви-

²⁷ Федотов Г. П. Революция идет // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. М., 2005. С. 102.

²⁸ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 2005. С. 307.

²⁹ Бердяев Н. А. О консерватизме // Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 2006. С. 142—143.

³⁰ Ильин И. А. О революции // Ильин И. А. Кризис безбожия. С. 206.

³¹ Ильин И. А. Почему сокрушился в России монархический строй? // Ильин И. А. О грядущей России: Избранные статьи. М., 1993. С. 100.

тельно, что она начала стремительно разрушаться вместе с монархической системой.

Значительные трудности испытывали не только правые, но и либеральные партии, которые также находились в 1917 г. на краю гибели. С лета проблема изменения существовавших властных структур, создания сильной государственности стала центральной для всех политических партий. Большевики делали ставку на насильственные методы борьбы за власть. После июльского восстания и у кадетов преобладали сторонники радикальных способов борьбы с революционной анархией и большевиками. IX съезд кадетской партии поддержал предложенный П. Н. Милоковым курс на укрепление государственной власти, сдерживание социалистов и ликвидацию политического влияния Советов. 20 августа ЦК кадетов высказался за установление диктатуры, что способствовало не усилению, а ослаблению позиций партии. Весной 1917 г. кадеты отказались от конституционной монархии и высказались за республику, затем стали склоняться к диктатуре, но, увидев нереальность этого шага, отступили.

Российский либерализм оказался таким же слабым и неокрепшим идеологическим течением, как и консерватизм, — он также не получил значительной поддержки в массах. Изменение курса наиболее влиятельной либеральной партии — кадетов подтвердило их неуверенность в собственных силах и отсутствие четкой стратегии деятельности, хотя шансы кадетской партии на протяжении длительного периода времени оценивались очень высоко. «Если бы кадеты, — писал С. Ю. Витте, — вели себя сколько бы то ни было благоразумно, начиная хотя бы со времени первой Думы, то дело бы их выгорело. Они вступили бы во власть»³². По поводу конфликта правительства и I Думы накануне ее роспуска и нежелания кадетов идти на уступки правительству левый кадет князь В. А. Оболенский писал: «Нам, привыкшим к положению безответственной оппозиции, трудно было встать на точку зрения здорового компромисса»³³. Подобная ситуация складывалась и в последующем, что привело к жесткой оппозиции кадетов в III и IV Думе, в результате которой ни один внесенный ими законопроект не был принят, что означало начало постепенного упадка партии, несмотря на ее активную деятельность после февраля 1917 г. Неспособность идти на компромисс в очередной раз серьезно навредила кадетам, которые добровольно вышли из состава Временного правительства в июле 1917 г., полностью оголив тем самым либеральный фланг. Г. В. Плеханов писал: «Как известно, представители партии народной свободы совсем вышли из состава правительства, не найдя возможности столкнуться с представителями социалистических партий. Поступив так, они сделали ложный шаг. Социалисты не перестают ста-

³² Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 353.

³³ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 349.

вить им это на вид»³⁴. Этот шаг можно считать фатальным для всего либерального движения России. Возможно, сохранение правительственных мест за кадетами позволило бы сделать события октября 1917 г. неосуществимыми.

В период двоевластия структура партийной системы страны несколько изменилась: бывший либеральный «центр» стал значительно слабее, октябристы и прогрессисты ушли с политической арены, а партии, возникшие в 1917 г., еще не представляли собой значительной политической силы. Таким образом, в феврале 1917 г. в России осталась только одна крупная либеральная партия — кадеты, которая, несмотря на быстрый рост по числу членов и партийных организаций (100 тыс. человек и 380 партийных комитетов), существенно не превзошла уровень роста, достигнутый в ходе первой русской революции. Это свидетельствовало о слабости социальной базы партии (особенно за пределами крупных городов), что было наглядно заметно на фоне усиления социалистических партий, так как к лету 1917 г. численность эсеров составляла около 1 млн. человек в 436 организациях, а большевики и меньшевики насчитывали примерно по 200 тыс. членов. Нарастание революционных настроений отразилось в усилении влияния анархистов. Сразу после февральской революции их группы действовали лишь в 7 городах, а накануне Октябрьской революции — почти в 40 населенных пунктах.

Партийный центр 1917 г. — умеренные социалисты — испытывал большие трудности. Если до лета 1917 г. численность меньшевиков и большевиков была примерно одинаковой, то с августа большевики в отличие от меньшевиков быстро увеличили свою численность до 350 тыс. человек, т.е. примерно в полтора раза, сохранив гибкую, но единую и мощную организацию. У эсеров и меньшевиков выделилось сильное левое крыло, требовавшее немедленного разрыва с кадетами и создания однородного демократического правительства. К этой же идее склонялось и руководство большевиков. Утверждение у власти однородного демократического, а на деле социалистического правительства отвечало настроениям масс. В ноябре — декабре 1917 г. на выборах в Учредительное собрание впервые в мировой истории парламентаризма до 85 % голосов получили социалистические партии. Однако однородное социалистическое правительство так и не было образовано.

Меньшевики, а вместе с ними и эсеры после Февраля фактически попытались соединить Временное правительство и радикально-революционные общественные формы. Но этот противоестественный симбиоз, вошедший в историю как двоевластие, не породил дееспособных государственных структур. Умеренные социалисты под давлением обстоятельств согласились после Февраля на более высокий, чем предусматривалось ими ранее, статус Советов в новой государственности, а 6 мая

³⁴ Плеханов Г. В. Соглашение нужно и возможно // Единство. 1917. № 91. 16 июля.

вопреки своим теоретическим схемам 1905 г. вошли во Временное правительство. Тем не менее, сознавая неготовность России к социализму, но не желая поступиться социалистическими принципами, умеренные социалисты не решились создать однородное демократическое правительство, но успешно воспрепятствовали стремлению кадетов подавить нарастающую революцию и устранить дестабилизирующее влияние Советов.

Вместе с тем не следует утверждать, что большевики были готовы в 1917 г. к абсолютному политическому доминированию и неуклонно стремились к нему. В работе «История русской революции» Л. Д. Троцкий писал, что на активные действия партию подвигли объективные причины, потому что «до 1917 г. партия вообще не допускала мысли, чтобы пролетарская революция могла свершиться в России раньше, чем на Западе»³⁵. Действительно, до февральских событий большевики были самой малочисленной политической партией радикального направления, но уже в апреле 1917 г. В. И. Ленин позволил себе публично заявить о готовности взять на себя ответственность за управление страной. Подобное заявление не могло считаться абсолютно беспочвенным, так как именно В. И. Ленин и был тем харизматическим лидером, недостаток которого ощущался остро, и за его плечами стояла хорошо организованная партия профессиональных революционеров с жесткой централизацией. Оппозиционность большевиков Временному правительству также вполне соответствовала особенностям партийной системы страны и выступала в качестве дестабилизирующего фактора.

В значительном усилении левого «социалистического» фланга после Февральской революции и установлении диктатуры одной партии после Октябрьского переворота проявились не только особенности общественного развития страны, а в какой-то мере и русского национального характера: сочетание «склонности к смуте и погрому»³⁶, при доверии монархическому режиму и любви к доброму государю. В связи с этим особенности характера и менталитета русского человека — бунтарство в сочетании с аполитичностью и вечной тягой к сильной центральной государственной власти, освобождающей русского человека от бремени ответственности за судьбу России — способствовали установлению диктатуры большевистской партии и уничтожению многопартийности. Этот процесс представлял собой всего лишь замену одной властной пирамиды на другую.

Монархия являлась тысячелетней формой правления для России, поэтому правосознание русского народа неизбежно приобрело монархические черты. Выдающийся русский мыслитель И. А. Ильин негативно оценивал внешнее влияние Запада на русскую жизнь, он считал,

³⁵ Троцкий Л. Д. История русской революции. М., 1997. Т. 2., ч. 2. С. 340.

³⁶ Ильин И. А. Возникновение и преодоление большевизма в России // Ильин И. А. О грядущей России: Избранные статьи. С. 120.

что «России не хватало крепкого и верного монархического правосознания», которое «было поколеблено во всей России. Оно было затемнено и вытеснено в широких кругах русской интеллигенции, отчасти и русского чиновничества и даже русского генералитета — анархо-демократическими иллюзиями и республиканским образом мыслей, насаждавшимися и распространявшимися мировой закулисою с самой французской революции. Оно имело в простонародной душе своего вечного конкурента — тягу к анархии и самочинному устройению»³⁷.

Успешный захват власти и установление однопартийной диктатуры большевиков был обусловлен тем, что большевизм, формально основанный на западном марксистском учении, был русским идейным направлением и соответствовал особенностям душевной организации русского народа. Выдающийся русский мыслитель Н. А. Бердяев писал: «Большевизм есть русское, национальное явление, это — наша национальная болезнь, которая и в прошлой истории всегда существовала, но в иных формах»³⁸. П. Б. Струве тоже считал большевизм исконно русским явлением: «...В порядке фактическом и эмпирическом было бы слепотой отрицать известную народность большевизма»³⁹. С. Л. Франк выказывал свое отношение к большевизму не менее резко: «Существует некое органическое русское свинство, которое независимо от политической формы; и черный большевизм, который уже достаточно накопился и легко может возобладать после падения нынешней власти, и будет свинством не лучшим, чем нынешний ее красный облик»⁴⁰. Г. П. Федотов писал: «Едва освободившись от царя, народ, пусть недобровольно и не без борьбы, подчинился новой тирании, по сравнению с которой царская Россия кажется раем свободы»⁴¹. Особенности русского характера, такие как склонность к бунту и одновременное стремление к сильной государственной власти, опосредованно способствовали установлению диктатуры и однопартийной системы в Советской России. Учитывая, что большевизм являлся самым почвенным идеологическим направлением, имевшим русское происхождение, несмотря на марксистские корни, он в наибольшей степени импонировал целому комплексу отрицательных качеств русского характера. Поэтому народ, участвовавший в двух революциях 1917 г., реализовав свои бунтарские настроения, вынужден был найти альтернативу сильной монархической влас-

³⁷ Ильин И. А. Почему сокрушился в России монархический строй? // Там же. С. 88—89.

³⁸ Бердяев Н. А. Религиозные основы большевизма: (Из религиозной психологии русского народа) // Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Париж, 1990. Т. 4. С. 37.

³⁹ Струве П. Б. Прошлое, настоящее, будущее: Мысли о национальном возрождении России // Русская мысль. Прага; Берлин, 1922. Кн. I, II. С. 10.

⁴⁰ Франк С. Л. Письмо П. Б. Струве (18 октября 1922 г.) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 123.

⁴¹ Федотов Г. П. Россия и свобода // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. М., 2005. С. 385.

ти, которой стала диктатура пролетариата, выразившаяся в политическом господстве партии большевиков и пришествии нового «царя» в лице большевистского вождя В. И. Ленина.

События 1917 г. привели к полной трансформации политической системы и многопартийности и, как следствие, захвату власти в стране одной единственной партией, что не являлось случайным явлением в российской истории. В 1917 г. были уничтожены монархия, законность и правопорядок и истреблена русская интеллигенция. Нежизнеспособность Временного правительства в условиях глубочайшего политического кризиса в стране, вызванного войной и двоевластием, неустойчивость многопартийной системы России, глубокий кризис правосознания и разрушение правового пространства сыграли роль дестабилизирующих факторов и уничтожили партийную систему изнутри, подтвердив беспочвенность консервативных и либеральных течений в русском обществе.